

9. И об этом он кричал открыто и давал знать не только персидским войскам, которым во всем способствовал и содействовал, но тотчас же гонцы, отправленные им, объявляли об этом в Иверии, среди племени сванов, варварам, живущим по ту сторону Кавказского хребта, живущим дальше этих и еще дальше. Он не поколебался бы ради этого обойти все концы земли. А суть известий была такова: „Римляне не годны в войне, и побеждаются варварами“. И в этих делах он прилагал все свое старание не только, чтобы оскорбить весь римский народ (хотя и это чудовищно и достаточно явное доказательство враждебной души), но к этому он прибавлял и нечто другое, еще более важное, над чем он больше всего трудился и упражнялся. Он замышлял поколебать частично мнение, сложившееся у всех народов о величайшем императоре, как превосходящем силой всех других и украшенном бесчисленными трофеями и таким образом их, охваченных страхом и удивлением к величию римского имени, натолкнуть на дерзость и своеволие.

Не называется ли по справедливости тот, кто это делает, врагом? Или его лучше называть другом, благожелателем, царем, находящимся под защитой договора, и другими титулами, какими обвинители украшают тирана, хотя обе стороны согласны в том, что не иначе можно отличить друзей от врагов, как только по результату их дел и по доброй или злой их настроенности.

Если мы доказали, что Губаз огорчился нашими победами и радовался, если случалась по нашей вине какая-либо неудача, то зачем же варвары ссылаются на римские законы, по предписанию которых мы привыкли наказывать или, если нужно, даже уничтожать колеблющих хотя бы частично государственный порядок, или причиняющих ему вред?

Но если покажется лучшим, оставив подозрения, догадки и доказательства, взятые из вероятности, рассмотреть исключительно голые факты, то куда это рассмотрение нас приведет? Персами занималось укрепление Оногурис, выделенное из Археопольской области. Был нетерпимый позор, что неприятельские войска прочно водворились в нашей стране, в наших стенах. У военачальников укрепились решение двигаться на них всем войском, истребить или изгнать тех, кто нам был наиболее враждебен, кто подготовлял против нас всякие козни. Для этого предприятия необходимо было нам войско колхов, не только потому, что они, знакомые с местностью больше, чем мы, помогли бы нам своими советами, но и для того, чтобы объединить с нами свое войско и свои силы, так как нам пришлось бы сражаться против тяжело вооруженных, засевших в укрепленном месте, и против тех, кто вероятно пришел бы им на помощь из Мухиризиса. Что нужно было сделать военачальникам при таких обстоятельствах? Нужно было встретиться с вождем племени и просить его о союзе, объяснив ему справедливость просьбы. И действительно встретились и объяснили нужное. Он же, как будто убедив себя, что он и в самом деле царь, и что ему, следовательно, позволено и действительно жить по своему произволу, не захотел не только соединить свое войско с нашим для штурма укрепления, но даже и присутствовать там. При этом он не дал даже каких-либо объяснений, хотя бы и мало удовлетворительных, но представляющих какой-нибудь благовидный предлог для отказа. Вместо этого он отказал в нашем требовании самым грубым образом, надменнее, чем это подобало наемнику и подданному. Сверх того, упорствуя в своей ненависти против военачальников, он, как враг, обрушился на них с оскорблениями, считая это храбростью, приличествующей царям. Конечно, этим он совершенно определенно проявил бесстыдство в давно